

Е. Ю. Лицарева
Томский университет

Влияние процесса ввода и становления евро на ЕС и мировую финансовую систему

Заменяв находившиеся в обращении европейские национальные денежные единицы, евро стала единственным участником денежного рынка стран валютного союза. В силу того, что страны ЕС различались между собой по экономическим показателям, культурно-историческому и политическому развитию, введение единой валюты представляло комплексный процесс, сопровождающийся многочисленными трудностями. Страны, выразившие желание ввести единую европейскую валюту, должны были решить ряд проблем, таких как: структурная перестройка экономики, конвергенция макроэкономических показателей, проведение болезненных реформ для улучшения бюджетных показателей. При этом политические элиты должны были убедить население своих стран не только в необходимости ввода евро, но и в экономической эффективности при переходе к евро. Поэтому изучение процесса введения и становления евро обычно не ограничивается только анализом макроэкономических показателей, так как макроэкономическая конвергенция стран — только одна из сторон этого нового интеграционного этапа в историческом развитии стран ЕС.

В конце XX в. сложились общие и специфические условия ввода единой валюты, что ознаменовало новый, качественный этап в европейском интеграционном процессе. Критерии конвергенции стали главной составляющей эффективной экономической и финансовой политики ЕС. Пакт стабильности и роста явился логическим продолжением критериев макроэкономического сближения и стал ключевым документом, определяющим бюджетную политику стран ЕС. Результаты деятельности институтов единой валютной политики, а именно Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ), ставших согласно нормативным документам ЕС институциональной базой Экономического и валютного союза, позволили судить об эффективности всей создаваемой во второй половине XX столетия системы экономической и валютной интеграции на Европейском континенте.

В условиях глобализации финансовых отношений и информационных коммуникаций заметно актуализировалась проблема соотношения категорий «деньги — пространство»¹. Деньги делают пространство более прозрачным, создающим меньше барьеров, более ликвидным. В этом кон-

Елена Юрьевна Лицарева, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. Специалист по международным отношениям в Европе. E-mail: llits@mail2000.ru

¹ *Валуллин Х.* Валютный рубикон европейской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. № 11. С. 28–34.

тексте единая валюта гомогенизирует это пространство, а результаты ее ввода служат важным индикатором эффективности интеграционной политики. Теория «деньги — пространство» в ЕС действует на всех уровнях: как в сфере финансово-банковских услуг, так и на уровне хозяйствующих субъектов. В 1961 г. профессор Р. Манделл обосновал возможность создания единой европейской валюты, теоретически доказав необходимость и целесообразность отказа группы стран от национальных денежных знаков в пользу единой валюты. В 1973 г. он писал, что «как США, так и Европа имеют достаточно общих черт, характерных для оптимальных валютных зон, чтобы стремиться уменьшить, а не увеличивать масштаб колебания валютных курсов. Для финансов Европы было бы лучше следовать примеру США с их высокой мобильностью капитала и рабочей силы и не препятствовать развитию уже достигнутой в этой области интеграции, к чему, несомненно, ведет использование системы скользящей привязки курса»². Его теория оптимальной валютной зоны стала базой для обоснования ввода единой денежной единицы в рамках ЕС. При этом брался во внимание эффект процесса становления единой европейской валюты в различных сферах деятельности стран зоны единой валюты. Введение единой валюты должно было в первую очередь позволить странам ЕС при более тесной валютной интеграции наилучшим образом использовать эффект масштаба и свои сравнительные преимущества. При этом Р. Манделл предупреждал, что валютная зона любого типа не способна предотвратить одновременно и инфляцию, и безработицу среди своих членов. И этот недостаток связан не с типом валютной зоны, а с ее масштабом. Оптимальная валютная зона не может также охватывать весь мир³.

К числу экономических выгод трансграничного хождения валют можно было отнести более высокую прозрачность цен, снижение транзакционных издержек, уменьшение неопределенностей для инвесторов, рост конкуренции. Применительно к ЕС Еврокомиссия оценила эти выгоды как достаточно ощутимые — в 0,5% от совокупного ВВП (что составляет около 40 млрд. долларов)⁴.

С самого начала европейские эксперты были уверены, что евро станет не менее сильной валютой, чем немецкая марка, потому что коллективно поддерживаемая евро будет гораздо устойчивее отдельных национальных валют по отношению к возможным колебаниям курсов. Они утверждали, что даже при трудном старте новой валюты и частичной девальвации европейских валют ориентированные на экспорт европейские экономики только выиграют.

С другой стороны, «европессимисты» (экономисты и ученые США, Германии, Великобритании) были убеждены, что у ЭВС не может быть успешного будущего в ближайшее время. В качестве аргумента они выдвигали то, что главные страны-участницы ЭВС не смогут привести свои экономики в соответствие с критериями конвергенции (практика уже доказала обратное). Высказывалось предположение, что некоторые стра-

² Paul De Grauwe. Economics of Monetary Union. Oxford University Press, 2000. P. 6–10, 24; Курочкин Д. «Отец» евро — американский профессор? // Евро. 1999. № 12. С. 2.; См.: Манделл Роберт А. Теория оптимальных валютных зон // Евро — дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон. С. 62–77; Манделл Роберт А. План создания европейской валюты. Там же. С. 157.

³ Frankel J. Impact of the Euro on Members and Non-Members // The Euro as a Stabilizer in the International Economic System / ed. by Mundell R., Clesse A. London: Kluwer Academic Publishers. 2001. P. 94; Манделл Роберт А. Теория оптимальных валютных зон. // Евро — дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон. С. 65.

⁴ Валуллин Х. Валютный рубикон европейской интеграции. С. 33.

ны ЕС не пожелают вводить евро, и это нарушит институциональный баланс в ЕС и сведет к минимуму все положительные результаты введения единой валюты. При этом между членами валютного союза в любой момент могут возникнуть неразрешимые противоречия (например, традиционно между Германией и Францией), как внутренние, так и внешние, связанные с желанием стран Центральной и Восточной Европы стать членом ЭВС, и многое другое⁵. «Евроскептики» не отрицали даже возможности полного краха валютного альянса. Например, Дж. Сорос был полностью уверен, что у единой европейской денежной единицы нет будущего, а критерии конвергенции, по его мнению, представляют собой не что иное, как «экономическую теорию ошибочного равновесия»⁶. Несмотря на подобного рода отрицательные прогнозы, начиная с 1999 г. международные рынки концентрировались на торговле тремя основными валютами: доллар США, евро и японская иена, конкуренция между которыми согласно прогнозам экономистов будет постоянно усиливаться⁷. Оценивая перспективу процесса ввода и становления евро в ЕС, исследователи обращали внимание как на положительные стороны, так и отрицательные моменты⁸. Подчеркивая преимущества ввода евро для стран ЕС, обычно анализировались варианты развития событий в определенных сферах деятельности.

В банковском секторе среди европейских банков прогнозировалось обострение конкуренции, так как устранялись барьеры на пути свободного перемещения капиталов, обусловленные наличием нескольких национальных валют, исчезали затраты на перевод за границу. «Прозрачность» ценообразования по услугам, стандартизация продуктов внутри ЕС также способствовали усилению конкуренции в банковском секторе. В ЕС вследствие сокращения числа валют и исчезновения валютных рисков банки лишались возможности получать доход от обмена европейских валют. Но с другой стороны, в силу того, что ненужным становился прежний взаимный обмен банкнот разных стран с уплатой комиссионных, иностранный туризм в еврозоне должен был заметно подешеветь. При последовательном обмене валюты одной страны ЕС на денежные знаки остальных 14 стран первоначальная сумма из-за уплаты комиссионных должна была, по подсчетам специалистов, сократиться в 2 раза⁹.

Для физических лиц евро также удешевляла кредит, ведение счетов с ценными бумагами. Сокращались валютные риски при размещении личных сбережений. В условиях колебания курсов европейских валют банки, совершая операции с разными валютами, вынуждены были страховать от валютных потерь и поэтому включали плату за риск в процентные ставки. При замене национальных денег на евро необходимость в подобных надбавках исчезала. Банкам в течение переходного периода было рекомендовано освобождать от уплаты комиссионных пересчет из национальных валют в евро остатков на счетах клиентов, а также обмен ими старых банкнот и монет на новые в пределах бытовых нужд. Лимиты личных нужд и допустимое число обменов определяли сами банки.

⁵ *Feldstein Martin*. EMU and International Conflict // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 6. P. 62–63, 69–70; *Hoffman S.* Back to Euro-Pessimism? // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 1. P. 143.

⁶ *Soros G.* Can Europe Work? // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75. № 5. P. 10.

⁷ *Rosecrance R.* The International Political Implications of the Euro // *The Euro as a Stabilizer in the International Economic System*. P. 49.

⁸ *Sylvester C.W., Eijffinger, Jakob De Haan.* European Monetary and Fiscal Policy. European monetary and fiscal policy. Oxford university press, 2000. P. 16–26; *Paul De Grauwe.* Economics of Monetary Union. P. 54–56.

⁹ *Иванов И.* Старт «зоны евро» // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 1. С. 4.

Основные выгоды от введения евро получал бизнес ЕС, для которого в зоне евро складывалось единое правовое поле денежно-кредитного и валютного регулирования. Для промышленных предприятий и предприятий сферы услуг введение евро означало прежде всего сокращение по сравнению с разноразменной средой расходов на расчетное обслуживание операций, что приводило к экономии на накладных расходах и сказывалось на оборотном капитале, обеспечивало снижение стоимости заемного финансирования. Это способствовало оздоровлению финансов предприятий, росту доходности акций, причем менее развитый южный регион еврозоны должен был постепенно подтягиваться по этим показателям к северному. У мелких и средних фирм, как и у крупных, появлялся шанс интернационализировать свои операции в силу того, что исчезали валютные риски и складывался более крупный и ликвидный рынок.

В то же время влияние евро на конкретные операции финансово-банковских институтов прогнозировалось далеко не однозначным. Например, первоначально влияние евро на банковский сектор могло быть даже негативным, потому что обострялась конкуренция на рынке, так как большее число клиентов выходило напрямую на денежные рынки и рынки капиталов, поэтому банкам приходилось бороться за привлечение депозитов из-за того, что их движение значительно ускорялось. Кроме того, банкам требовалась «перестройка» своих внутренних бизнес-систем на работу с новой валютой.

С введением евро образовывался единый рынок капитала, более крупный и ликвидный, чем национально-ограниченные рынки. Укрупнение рынка капитала стало основным эффектом становления валютного альянса в среднесрочной перспективе. По мнению специалистов, евро в меньшей степени подвержена негативным воздействиям колебаний доллара, чем та же немецкая марка, что могло привести к переориентации международных потоков капитала, т.е. международные инвесторы могли отдать предпочтение инвестированию в Европе, а европейским инвесторам было бы выгоднее вкладывать свой капитал в Европе.

Однако необходимо отметить, что одно из важнейших изменений, связанных с созданием подлинно единого рынка, — это полная отмена валютного контроля. Переход к единой валюте в рамках стран еврозоны позволял избежать валютных рисков, связанных с взаиморасчетами по торговле и финансовым операциям¹⁰.

Естественно, полная валютная интеграция для национальных правительств означала утрату возможности проводить независимую монетарную политику, в частности односторонне девальвировать национальную валюту, менять банковский процент. Тем не менее, понимая, что выгоды от объединения несравнимо более ощутимы, правительства стран ЕС соглашались на подобные ограничения национального суверенитета.

Влияние на фондовый рынок обуславливалось тем, что введение единой валюты способствовало выравниванию процентных ставок в странах-участницах. Государства еврозоны расширяли свои конкурентоспособные возможности как эмитенты ценных бумаг благодаря улучшению условий конкуренции между государствами-эмитентами (рейтинг, ликвидность, емкость рынка).

Долгосрочный эффект введения евро специалисты видели исключительно позитивным. Они иллюстрировали его в виде цепочки: макроэкономические характеристики ЭВС — фискальная дисциплина, низкие ставки

¹⁰ Михайлов Д. М. Евро и формирование единого рынка финансово-банковских услуг в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 10. С. 34.

учетного процента, уменьшенный валютный риск — микроэкономические эффекты на рынке ценных бумаг — низкие операционные издержки, улучшенная эффективность и ликвидность¹¹. Все это должно было стимулировать активность деятельности агентов на рынках ЕС.

В связи с введением евро необходимо особо выделить проблему перелива капитала. «Приливы» и «отливы» спекулятивного капитала в последние десятилетия стали серьезным дестабилизирующим фактором. С введением евро ЕС становился зоной стабильности, так как единая валюта должна была решить проблему борьбы с подобными переливами капитала, обусловленными игрой на валютных курсах и процентных ставках.

На уровне государственных финансов присоединение к евро связывалось с соблюдением жесткой бюджетной дисциплины. Это позволяло совместно бороться с инфляцией, которая в зоне евро прогнозировалась на уровне 1,5–2% в год. Сама подготовка к введению евро, конкуренция за место в ее зоне существенно стабилизировала государственные финансы первоначальных 11, а затем 12 стран. Валютный союз дисциплинировал национальные правительства, так как вынудил их выполнять критерии конвергенции.

В течение 1993–1997 гг. в целом по ЕС темпы инфляции упали с 4,1% до 1,9%, долгосрочные процентные ставки с 8,0% до 6,2%. ВВП вырос в 1997 г. на 2,6%, в 1998 г. — на 1,8%. Совокупное потребление — на 2,3%, внутренние инвестиции — на 4,3%. Дефицит госбюджета членов валютного союза в 1993–1998 гг. в среднем сократился с 9,1 до 2,4% ВВП (в 1999 г. до 2%); объем государственных расходов — с 52,4% до 48,7% ВВП соответственно¹². Данные цифры являются свидетельством того, что, несмотря на жесткие критерии, которым должны были следовать страны ЕС, конвергенция экономик осуществлялась успешно, а также наблюдался стабильный рост экономики.

Именно такая стабилизация экономики и финансов позволила Европе в меньшей степени ощутить последствия финансовых кризисов в Азии, России и Латинской Америке. Именно в Европу бежали капиталы из этих регионов, что вызвало рост притока инвестиций в 1997–1998 гг.

Вместе со стабилизацией государственных финансов при переходе к евро должны были сократиться заемные операции правительств, подешеветь кредит и стимулироваться экономический рост. Предполагалось, что общая сумма евро на рынках возрастет по сравнению с прежней суммой заменяемых ею валют, то есть произойдет переток средств из других валют, доллара и иены, в евро. Внутри «зоны евро» должно увеличиться предложение на денежном рынке и рынке капитала вследствие сокращения уже не нужных в прежних объемах золотовалютных резервов стран-участниц, равно и как снижения потребностей правительств в новых заемных операциях при государственных финансах, стабилизированных по «пропускным критериям». Главным на рынках становится не государство, а частный заемщик, основные инвестиции при этом идут не в государственные обязательства, а в ценные бумаги предприятий, в их акции, что связывает денежно-кредитный рынок ЕС с производством.

Как считали эксперты, учитывая, что вся торговля внутри зоны евро должна стать одновалютной, а это около 70% общей внешней торговли стран ЕС, «еврогосударства» могли бы также обходиться гораздо меньшей

¹¹ Михайлов Д. М. Евро и формирование единого рынка финансово-банковских услуг в Европе. С. 35.

¹² Буторина О. Что такое Евро? М.: Интердиалект+, 1999. С. 26; Иванов И. Старт «зоны евро». С. 4.

массой необходимых им золотовалютных резервов. Их избыточную часть можно было разблокировать и пустить на развитие, а это 120–150 млрд. евро, в том числе и на инвестиционный оборот.

Евро должна была облегчить для ЕС и налоговую реформу. Пока ЕС разделен на 15 разнорегулируемых налоговых территорий. Ставка НДС варьируется от 15 до 22,5%, взимание НДС регулируется 66 различными нормативными актами плюс 130 исключениями из них. В итоге накладные расходы предприятий по налоговым расчетам в других странах ЕС в 5–6 раз превышают аналогичные расходы в своем отечестве. Пользуясь разнообразием в налоговых системах, недобросовестные налогоплательщики ежегодно утаивали от обложения доходы на сумму десятков млрд. ЭКЮ.

В условиях единого денежного и валютного пространства ЕС ожидалась либерализация и унификация правил государственного регулирования ряда финансовых операций. Страховые компании и пенсионные фонды получали равные права на инвестирование не только в своих странах, но и во всей «зоне евро». Это позволяло им избежать существующей концентрации вложений, прежде всего в ценных отечественных государственных бумагах, и существенно диверсифицировать свой портфель. Теряли свою национальную привязку и первичные дилеры по размещению ценных государственных бумаг. Предполагалось более свободное размещение внутри «зоны евро» займов под залог недвижимости. В меньшей степени должна была контролироваться деятельность филиалов банков стран-партнеров на своих территориях национальными правительствами, что ранее объяснялось интересами «национальной денежной политики». Ускорился процесс интеграции налоговых систем ЕС.

В то же время перевод банковских систем на новую валюту, модификация компьютерных систем, профессиональная переподготовка служащих, как было подсчитано, исчислялась 12 млрд. ЭКЮ, что равнялось 2% годового объема банковских операций. Адаптация фирм и организаций в новых условиях должна была обойтись в 100 тыс. ЭКЮ, а крупных предприятий в 3 млн. ЭКЮ. По другим подсчетам, стоимость приспособления к операциям в евро оценивалась для крупной фирмы ЕС в 30 млн. дол., банка — 50–250 млн. дол., а суммарно этот переход должен был обойтись странам «зоны» в 85–150 млрд. дол., или 1–2% их ВВП.

Многие специалисты считали, что выгоды от введения единой валюты могут распределяться неравномерно между различными слоями населения. Воспользоваться плодами перемен сможет наиболее активная и обеспеченная часть населения — жители крупных городов, граждане, часто осуществляющие зарубежные поездки и ведущие операции в различных валютах. При этом высшее управленческое звено ЕС гораздо активнее поддерживало планы создания валютного союза, чем население в целом. Как правило, среди первой группы в среднем «за» выступало 85%, среди второй — 53%. В Великобритании, Швеции, Финляндии население длительное время в основном было настроено против замены национальных денег на европейские. Среди политической и особенно деловой элиты наблюдалась противоположная точка зрения. Например, учитывая то, что при продолжительном пребывании Великобритании вне ЭВС пальма первенства финансового центра Европы может перейти от лондонского Сити к Франкфурту и Парижу, 26% опрошенных в 1998 г. английских компаний и банков выступали за присоединение к ЭВС уже в 1999 г.¹³

Кроме того, макроэкономически взаимная фиксация курсов валют в условиях изменяющейся конъюнктуры означала перераспределение на-

¹³ Иванов И. Старт «зоны евро». С. 9.

ционального дохода более развитых стран «зоны евро» в пользу менее развитых. Отсюда чрезвычайное стремление Италии, Испании, Португалии войти в «зону евро» и опасения Великобритании, Швеции, Германии и других стран с сильной экономикой в этом отношении.

По оценке некоторых критиков, делая упор на стабилизации государственных финансов стран-участниц, еврозона не имеет в своем арсенале резервного органа для преодоления возможных деструктивных воздействий на нее извне, что вполне вероятно при современном обострении финансового кризиса во многих районах мира.

Наряду с выгодами от введения единой валюты и централизованной денежно-кредитной политики неизбежны и некоторые издержки и неопределенности (например, относительно адекватности реакций экономик отдельных стран ЭВС на данные финансовые нововведения). Более того, необходимо сопоставить выгоды от введения единой валюты с происходящей при этом потерей двух высокоэффективных инструментов экономического регулирования — независимой денежной политики и самостоятельного установления обменных курсов.

Приходится также учитывать проблемы, которые неизбежно возникают при действии факторов «асимметричных шоков». При этом теория оптимальной валютной зоны выделяла три их альтернативных разрешения — мобильность рабочей силы (в стране, подвергшейся шоку, работники должны иметь возможность и желание свободно перемещаться в другие страны), гибкость заработной платы и цен (страна должна быть готовой привести их в соответствие с уровнем шока), наличие механизма загрузки финансовых ресурсов в такую страну. Для того чтобы валютная зона имела лучшие шансы на успех, «асимметричные шоки» согласно теории должны быть достаточно редки. При этом национальным экономиком, вовлеченным в зону, необходимо находиться в одинаковой структуре¹⁴.

Следует учесть и следующее: вслед за сближением национальных цен и процентных ставок сближаются и затраты на труд в расчете на единицу продукции и ставки заработной платы, в том числе при подтягивании показателей Юга еврозоны к ее Северу. Эти изменения также не могут быть истолкованы однозначно в силу значительной диверсификации вышеуказанных показателей в странах ЕС. С одной стороны, эти изменения позитивны для стран с традиционно слабой нестабильной экономикой и дешевой рабочей силой (Испания, Италия, Греция, Португалия). К тому же эти изменения станут очередным шагом к гомогенизации социальной сферы стран ЕС, т.е. построению социальной Европы. С другой стороны, данная гомогенизация ставок заработной платы может быть негативно воспринята в странах с традиционно дорогой рабочей силой (Великобритания, Германия).

Наконец, необходимо отметить действие психологических факторов. Так, например, введение евро позволяет повысить политический и экономический престиж многих стран ЕС с традиционно слабой экономикой и высокими темпами инфляции¹⁵. С другой стороны, означает уничтожение той части национальной культуры, которая тесно связана с национальными денежными единицами. Гордость за свою национальную валюту свой-

¹⁴ Paul De Grauwe. Economics of Monetary Union. P. 24, 26, 28–33; 81–85; Мирзоев Н. Способности экономического провидца принесли Роберту Манделлу Нобелевскую премию // Евро. 1999. № 12. С. 4–5.

¹⁵ Frankel A. Impact of the Euro on Members and Non-Members // The Euro as a Stabilizer in the International Economic System. P. 105.

ственна и Германии, и Франции, и уж тем более Великобритании. Данный фактор может существенным образом отрицательно повлиять на лояльность к новой валюте евро в случае экономических и финансовых потрясений.

Но все-таки преимущества для стран-участниц валютного союза от введения евро существенно превосходят возможные потери от унификации валютного пространства. Несмотря на то что валютная политика определяется для всех стран ЕС централизованно, каждая страна — уникальна. Экономические и политические особенности стран ЕС наложили отпечаток на сам процесс перехода к евро, создав 15 индивидуальных сценариев введения евро для каждой страны ЕС.

Необходимо учитывать и следующее: создание валютного союза оказало существенное влияние не только на сами страны ЕС, а также и на другие государства мира, так как региональная группировка в Европе является не замкнутым образованием, а активно участвующим в международных отношениях.

Кроме влияния в рамках ЕС процесс становления евро стал важным для мировых финансов. В международном плане происходит заметная активизация участия стран еврозоны в трансграничном движении (переплетении) капиталов. Их экономические операторы все более становятся не только торговцами, но и инвесторами. Следовательно, прогнозируется новая волна слияния и поглощения, направленная на укрупнение предприятий и банков ЕС до размеров, позволяющих оперировать в масштабах не только всей еврозоны, но и на международных рынках¹⁶. Длительное время доллар составлял основу существовавшей мировой моновалютной системы. В процессе становления ЭВС происходят определенные изменения в мировой валютной системе, меняется положение доллара в ней.

Успешное осуществление проекта валютного союза означает, что на глобальном рынке появляется новая мировая валюта, которая способна уже в среднесрочной перспективе изменить ситуацию на мировых валютных рынках. Например, в результате ввода и становления евро возникает новый крупнейший финансовый рынок в мире — второй по размеру рынок ценных бумаг. Уже в начале 1999 г. сумма выпущенных в обращение ценных внутренних долговых бумаг в еврозоне составила примерно 54% объема американского рынка и 131% японского¹⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что для существующих рынков формируется новая конкурентная среда, что делает неизбежным изменение стратегий во всех секторах мировой экономики.

С переходом к евро ЕС превращается в мощную и консолидированную валютную зону, способную дополнительно стимулировать экономический рост, заметно снизить операционные расходы предприятий и на равных соперничать с американским долларом и иеной. Европейский бизнес, особенно крупный, сразу поддержал новую валюту. По своему хозяйственно-финансовому потенциалу складывающаяся зона евро представляет собой крупнейший рынок в мире. В 1996 г. доля ЕС в совокупном ВВП индустриальных стран мира уже составляла 38,3% против 32,5% у США, 20,5% у Японии.

Оценка эффективности и результативности созданной системы без анализа позиций различных стран ЕС по отношению к евро будет неполной в силу того, что каждое государство Европейского Союза уникально и

¹⁶ Иванов И. Старт «зоны евро». С. 8.

¹⁷ Золотухина Т. Интеграционные процессы в Европе: введение единой валюты // Вопросы экономики. 1998. № 9. С. 130.

для каждой страны ЕС переход к евро стал беспрецедентным событием. При этом процесс и механизм принятия решений на уровне стран-членов ЕС, борьба национальных политических сил, а также состояние общественного мнения в государствах Евросоюза определяли не только конкретную позицию той или иной страны, но нередко свидетельствовали об эффективности и успешности становления экономического и валютного союза в целом.

При изучении позиций стран в отношении процесса ввода и становления евро выделились две группы государств-членов ЕС: страны еврозоны (12 стран ЕС) и три страны (Великобритания, Дания, Швеция), которые решили отложить свое вступление в валютный союз на более поздний срок. Страны еврозоны обычно группируются исходя из различных признаков (размер территории, географическое положение, темпы экономического роста и т.д.). Как показал опыт ЕС, при проведении единой политики на уровне сообщества, а затем союза страновые характеристики, определяющие национальные интересы, нередко вступали в противоречие с положениями единой политики и тем самым определяли индивидуальное отношение каждой страны к новой валюте и валютному союзу.

Анализируя позиции стран зоны евро, необходимо учитывать, что, принимая решение о вступлении в валютный союз, руководство каждой страны исходило из реальной экономической ситуации и отношения общества к созданию ЭВС. В 1999 г. только 11 стран ЕС стали членами валютного альянса. В 2001 г. к нему присоединилась Греция. Во многом это было связано с тем, что сложившийся единый рынок пока еще не функционирует в условиях экономического цикла, единого для всех государств.

Страны ЕС, перешедшие на евро, можно сгруппировать, учитывая показатели экономического роста. При этом выделяются страны с наиболее динамично развивающейся экономикой (Ирландия, Финляндия, Нидерланды и др.); страны с недостаточно высокими темпами экономического развития (Германия, Италия), на которые оказали серьезное воздействие финансовые кризисы в Азии и России в 1997–1998 гг.; страны со средними экономическими показателями (например, Франция)¹⁸. Среди государств ЭВС выделяются различные группы стран по размеру территории (большие и малые), по географическому положению (центровое, как у Германии, и нецентровое, как у Португалии), по структуре экономики (с преобладанием промышленности или сельского хозяйства) и т.д. Все эти факторы определяют уникальность страны и являются частью исторического развития, тем самым составляя основу характеристики процесса становления евро в каждом отдельно взятом государстве. При этом страны ЕС, находящиеся пока вне зоны евро, составляют отдельную группу.

Как показал европейский опыт, в силу того, что каждое государство ЕС по-своему специфично, переход к евро по-разному повлиял на экономику каждой страны и неоднозначно воспринимался ее жителями. Во многом это было связано с существованием определенных противоречий между выработкой единой экономической политики для всех участников еврозоны и экономическим состоянием стран в отдельности. Принимая во внимание различия в экономическом положении государств ЕС, серьезные опасения, например, вызывало установление единой процентной ставки. Чтобы процентные ставки сблизилась, страны ЭВС вынуждены их фиксировать на таком уровне, который не соответствует их внутренним экономическим потребностям. В Германии и Франции, где высокий уро-

¹⁸ De Boissieu, C. The Euro and the Dollar // The Euro as a Stabilizer in the International Economic System. P. 253.

вень безработицы и низкий уровень инфляции, существенное повышение процентных ставок способно остановить экономический подъем. Для государств с более высокими темпами роста, чем у соседей, центральная процентная ставка может оказаться слишком низкой. Так, Нидерландам, Испании, Ирландии, несмотря на признаки перегрева экономики, придется снижать процентные ставки и мириться с высокой инфляцией либо ужесточать финансовую политику, то есть повышать налоги и сокращать государственные расходы.

После вступления в ЭВС государства вынуждены проводить и далее жесткую финансовую политику. В этих условиях в силу страновых различий членов ЭВС государства должны принять национальные финансовые политики, которые могут быть несовместимыми с провозглашенной в Маастрихтском договоре ориентацией на стабильность цен. Лишившись возможности проводить самостоятельную кредитно-денежную политику, государства-члены, по мнению аналитиков, смогут использовать финансовую политику в качестве основного средства противодействия циклическим колебаниям только при условии, что бюджетные дефициты не превысят 2% ВВП¹⁹.

В целом отмечалось, что либерализация проводимой в 90-е годы финансовой политики по ряду причин нежелательна для стран ЭВС. Во-первых, дальнейшее сокращение бюджетных дефицитов сопряжено со значительными трудностями, так как увеличение налогов и урезание государственных расходов, прежде всего на социальные программы, крайне непопулярны и вызывают ожесточенное сопротивление профсоюзов и парламентов. Во-вторых, национальные правительства привлекают электорат, реализуя широкомасштабные и дорогостоящие программы. При этом рост цен как результат подобных финансовых мер, призванных стимулировать экономический рост, в пределах большой валютной зоны меньше, чем в отдельно взятой стране, так как бремя распределяется между всеми членами ЭВС. Поскольку и рынок капитала расширяется, заимствования одной из стран-членов также приведут к меньшему росту процентных ставок и, следовательно, к меньшему бремени обслуживания долга.

Таким образом, национальное правительство полностью интернационализирует позитивные эффекты потенциально инфляционной финансовой политики экономического роста. В то же время негативные эффекты (инфляция, рост процентных ставок) частично передаются другим странам. Угроза того, что ЭВС спровоцирует значительные государственные заимствования и, следовательно, ухудшит условия доступа к кредиту частных заемщиков, ослабит инвестиционную активность и экономический рост, представляется весьма реальной. Кроме того, растущий государственный долг в данном случае может подорвать доверие международных инвесторов к евро, что, в свою очередь, приведет к дальнейшему росту процентных ставок и снижению экономических темпов.

Страны ЕС по-прежнему существенно различаются между собой по структуре производства и внешней торговли, уровню и динамике развития, поэтому резкие изменения в спросе и предложении могут иметь асимметричные последствия для отдельных стран ЕС. С созданием ЭВС два важнейших механизма приспособления к межстрановым различиям в тенденциях и изменениям в экономических условиях — гибкость валютных курсов и национальные кредитно-денежные политики — исчезают и, согласно теории опти-

¹⁹ Шедрин А. Европейский союз в преддверии евро // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 95.

мальных валютных зон, могут быть заменены механизмами гибких ставок заработной платы и миграции рабочей силы²⁰. Однако, с одной стороны, эти механизмы недостаточно эффективны, а с другой — попытки повысить их эффективность неизбежно приведут к политическим конфликтам, так как социальное измерение ЕС пока еще находится в стадии становления²¹.

Серьезной проблемой остается положение на рынках труда континентальных стран ЕС, за исключением Нидерландов. Уровень безработицы в Германии, Франции, Италии в 1999 году превышал 11%, в других странах он также был достаточно высоким²². Очевидно, что безработица в ЕС носит не только циклический характер и для ее сокращения необходимы структурные реформы. С 1992 года многим странам удалось добиться значительного сокращения бюджетных дефицитов, однако государственный долг в странах континентальной Европы по-прежнему велик. К тому же различия в производительности труда и уровнях заработной платы между странами ЕС весьма значительны, в то время как подвижность заработной платы крайне невелика. В этих условиях наиболее вероятным представляется повышение оплаты труда в экономически менее развитых странах ЭВС до уровня ведущих государств. Однако из-за различий в производительности труда это потребует перевода в отстающие страны значительных средств, а значит, может вызвать повышение налогов в странах-донорах, снижение стимулов к предпринимательству, ослабление экономического роста и политическое противодействие европейской интеграции.

Из государств с наиболее низкими темпами экономического роста или пострадавшими от асимметричных потрясений должна произойти миграция рабочей силы в быстро развивающиеся или не затронутые такими потрясениями страны. Однако полагаться на миграцию как приспособительный механизм невозможно, так как сейчас мобильность рабочей силы в Европе очень невысока и перспективы усиления миграционной активности выглядят достаточно сомнительными. К тому же для ряда государств миграция рабочей силы означает отток молодых и наиболее квалифицированных специалистов, что неизбежно приведет к замедлению темпов экономического развития таких стран.

По мнению американского экономиста М. Фридмена, введение единой валюты имеет не столько экономическое основание, сколько политический замысел²³. По его убеждению, политический союз должен предшествовать слиянию валют, а не быть его последствием, иначе создание евро приведет к эффекту, обратному желаемому. Именно «асимметричные шоки», обычно сглаживающиеся коррекцией обменных курсов, могут стать причиной политических кризисов между странами-членами. Валютное же единство, навязанное в неблагоприятных условиях, станет препятствием к политическому объединению.

²⁰ Paul De Grauwe. Economics of Monetary Union. P. 183–184. — В условиях существенных различий между странами необходимо располагать хорошим корректирующим механизмом — им являлись гибкие обменные курсы. Тогда, если какая-либо страна оказывается в тяжелой ситуации, требующей, например, снижения заработной платы, корректировка достигается изменением лишь одного показателя — обменного курса, а не пересмотром ставок заработной платы или привлечением рабочей силы извне. Поэтому Франция, следуя в свое время политике «сильного франка», привязав его к дойчмарке, обрекла себя на стагнацию, а Великобритания, выйдя из ЕВС в 1992 году, пошла на подъем.

²¹ Feldstein Martin. EMU and International Conflict // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 6 (Nov./Dec.). P. 60–70.

²² Щедрин А. Европейский союз в преддверии евро // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 94.

²³ Рыбаков В. Евроленд — накануне открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1. С. 75–83.

Об опасности социальных и политических конфликтов внутри Евроленда в отсутствие политического союза предупреждали многие — ученые, политики, предприниматели²⁴. Несмотря на все меры, предпринятые государствами-членами ЕС, по сближению макроэкономических показателей и конвергенции экономик, многие экономисты высказывали сомнения относительно способности заложенного в ЭВС механизма адекватно реагировать на различного рода особые и чрезвычайные ситуации. В связи с этим в зарубежной, особенно американской, литературе наряду с влиянием «асимметричных шоков» активно обсуждались проблемы последствий «полиси-микс» — сочетания бюджетной и денежной политик. М. Фридмен, М. Фельдштейн, Р. Дорнбуш, известные американские экономисты, предсказывали образование обширных очагов безработицы, социальные кризисы и подрыв самого фундамента европейского экономического сотрудничества. По мнению М. Фридмена, «общая для нескольких стран валюта может создать как превосходную, так и крайне ущербную денежную систему, в зависимости от обстоятельств»²⁵. В качестве довода приводился тот факт, что Европейский Союз все же представляет собой наднациональное образование и та политика, которая является чрезвычайно эффективной для одной страны, для другой страны в рамках ЕС может оказаться негативной. Для Германии, например, борьба с инфляцией является важной задачей. Проведение же унифицированной финансовой политики в рамках ЕС по снижению инфляции может негативно сказаться на таких странах, как Испания и Португалия, где традиционно одним из ключевых направлений политики государства была борьба с безработицей, а, следовательно, инфляция рассматривалась как меньшее зло по сравнению с безработицей. В силу того, что инфляция и безработица — показатели, обратно пропорциональные друг другу, политика по снижению инфляции в рамках ЕС вызовет рост безработицы в Испании и Португалии. Страны ЕС еще не достигли необходимого уровня конвергенции и для проведения унифицированной бюджетной политики.

Подобного мнения придерживались не только американские экономисты, которые традиционно являлись евроскептиками, но также и европейские специалисты. Наиболее ярким примером может служить декларация, представленная четырьмя видными немецкими профессорами-экономистами своему правительству в конце февраля 1998 г., накануне окончательного утверждения стран-претендентов в еврозону, и подписанная 160 коллегами. В частности, они подчеркивали, что процесс финансовой консолидации был начат слишком поздно. Механизм Пакта стабильности и роста может не сработать. Если в трудном положении окажется сразу много стран, то в Совете не найдется квалифицированного большинства для принятия решений с целью наложения санкций. В условиях, когда не решены структурные проблемы, наблюдается высокий уровень безработицы, ЕЦБ может оказаться под сильным политическим прессом. Учитывая все это, немецкие экономисты предложили, что на первом этапе наилучшим вариантом стало бы введение евро во Франции, ФРГ и странах Бенилюкса, где наиболее близки макроэкономические показатели.

Большинство экономистов и финансистов, в отличие от политиков, неоднократно подчеркивали, что введение евро произошло преждевременно, переходный период конвергенции был слишком небольшим и социальная цена валютной интеграции может оказаться более значительной, чем экономические выгоды от введения евро. Многие заявляли, что

²⁴ *Feldstein Martin*. EMU and International Conflict. P. 67–68.

²⁵ *Рыбаков В.Б.* Евроленд — накануне открытия. С. 82.

управление ЭВС доверили технократам, а судьба 18 млн. европейских безработных их не волнует²⁶.

К тому же сложно делать какие-либо прогнозы относительно эффективности функционирования евро в силу того, что Европейский Союз еще не имеет достаточного опыта валютной интеграции, чтобы отработать механизм реагирования в случае кризисных ситуаций, поэтому неизвестно, каким образом и насколько эффективно этот конгломерат странотреагирует на мировые или региональные экономические потрясения. В частности, американские экономисты прогнозировали сценарии различных кризисных ситуаций: рецессий, локальных финансовых кризисов, кризисов в Азии и Латинской Америке и т.д., а также возможные варианты поведения стран ЕС и действий, предпринятых финансовыми институтами ЕС. Результат выхода из этих кризисов виделся им достаточно плачевным, усугубляемым тем фактом, что данные кризисные ситуации должны быть урегулированы не в одной стране, а в группе стран, связанных воедино унифицированной экономической и бюджетной политикой.

Таким образом, перед странами еврозоны встала чрезвычайно сложная проблема: как найти решение, приемлемое для всех. Приняв евро, нужно было принимать ее последствия, и в первую очередь конъюнктурную гармонизацию, структурную политику, идти к настоящему экономическому правительству в Европе.

Кроме экономических противоречий, которые возникли в связи с выработкой политики, единой для всех стран, отмечалось и различное отношение населения к единой валюте — от восторженного принятия, как в малых странах ЕС, например в Голландии, до сдержанной реакции, как в Германии, Дании, Великобритании. Более наглядным примером отношения к процессу становления евро может стать характеристика отношения политических кругов и населения Германии, Италии и Греции.

В Германии идея создания валютного союза, как показали многочисленные наблюдения и анализ, была популярна среди политических кругов, которые единодушно высказывались за присоединение Германии к ЭВС. Причиной этого единодушия стало не только ведущее положение страны в экономике ЕС, географическое положение, но и чувство вины за две мировые войны. Германия сыграла особую роль в процессе построения институтов ЕС, особенно при определении целей, структуры, полномочий ЕЦБ. Ведущая роль Германии была предопределена не только в силу веса германской экономики в экономике ЕС, престижа Бундесбанка как в Европе, так и в мире, но еще и потому, что страны ЕС хотели распространить «культуру стабильности», присущую экономике Германии, на свои страны²⁷. С другой стороны, через построение ЕЦБ, как наиболее идентичного Бундесбанку, и распространение принципа стабильности цен руководство Германии преследовало и свои цели — обезопасить страну от возможной инфляции. Население Германии еще с денежной реформы 1948 г. испытывало страх перед изменениями, связанными с денежной политикой²⁸. После Второй мировой войны дойчмарка стала не только символом стабильности экономики и экономического роста, но и политическим символом страны в целом и экономического благосостояния населения в частности. Поэтому отношение населения Германии к евро можно было охарактеризовать как довольно сдержанное, так как в 1997 г.,

²⁶ Рыбаков В. Евроленд — накануне открытия. С. 84.

²⁷ Zeff E., Pirro E. The European Union and the Member States. Cooperation, Coordination, and Compromise. London: Lynne Rienner Publishers, 2001. P. 90.

²⁸ Pitchford R., Cox A. EMU Explained: Markets and Monetary Union. London, 1997. P. 85.

накануне введения евро, только 40% населения высказывались в поддержку новой европейской валюты, в то время как 45% были против²⁹.

Среди жителей восточных земель, бывшей ГДР, процент высказавшихся против введения евро оказался выше, чем в западных землях. Это легко объяснялось тем, что восточные земли долгое время желали воссоединиться с западными и тем самым войти в зону марки. Переход на евро для них означал отказ от той экономической и политической стабильности, к которой они стремились. Поэтому первоочередной задачей германского руководства стало не только повышение лояльности населения по отношению к евро, но и стремление не вызвать отторжения евро населением. На уровне институтов задачей Германии стала выработка такой финансовой политики, единой для всех стран ЭВС, которая обезопасила бы экономику страны не только от инфляционных тенденций, но и возможной рецессии. При разработке маастрихтских критериев, Пакта стабильности и роста, институциональных основ ЕЦБ именно Германии принадлежала инициатива введения наиболее жестких вариантов финансовой политики.

Анализируя позицию Италии, необходимо отметить, что она всегда поддерживала начинания в ЕС и заслужила репутацию «евро-энтузиаста»³⁰. Италия была одним из шести первых членов ЭЭС. В 1979 г. лира вошла в ЕВС. Поэтому для руководства страны было важным сохранить эту преимущество и со вступлением Италии в ЭВС. На уровне политической элиты не было никакой оппозиции. Только один опытный политик А. Мартино, лидер правоцентристской партии «Форца Италия», попытался публично озвучить свои опасения в отношении евро, хотя все остальные члены партии высказывались в поддержку евро³¹. Р. Проди, будучи премьер-министром, подчеркнул, что если Италия не станет членом ЭВС в составе первой волны участников, то это негативно скажется на экономике страны³². В то же время стратегия руководства Италии прежде всего заключалась в проведении реформ для оздоровления государственных финансов под знаком ужесточения бюджетной дисциплины в соответствии с маастрихтскими критериями.

Национальное правительство делало все, чтобы расширить налоговую базу и улучшить собираемость налогов. Рассчитывая на безоговорочную поддержку населением перехода страны к евро, проводилась жесткая реструктуризация государственного бюджета и был введен специальный «евроналог», что позволило существенно снизить размер государственного долга. Одновременно шла массивная приватизация госсектора. Италия показала самые впечатляющие результаты: за 1994–1997 гг. ее бюджетный дефицит был сокращен с 9,2 до 2,67%, причем даже профсоюзы не протестовали против таких жестких мер, что подтверждало важность присоединения к зоне евро для всех социальных партнеров³³. Несмотря на жесткие меры, поддержка евро населением была практически безоговорочной. Итальянцы согласились пережить экономически трудный переходный период, чтобы впоследствии перейти от слабой лиры к новой стабильной европейской валюте. В 1997–98 гг., накануне введения евро, число сторонников новой валюты выросло с 74 до 78%, а число противников снизилось с 15 до 11% соответственно, что наглядно продемонстриро-

²⁹ Eurobarometer Standard 47. November 1997.

³⁰ Zeff E., Pirro E. The European Union and the Member States. Cooperation, Coordination, and Compromise. London: Lynne Rienner Publishers, 2001. P. 115.

³¹ Pitchford R., Cox A. EMU Explained: Markets and Monetary Union. London, 1997. P. 103.

³² Pitchford R., Cox A. EMU Explained: Markets and Monetary Union. P. 103.

³³ Рыбаков В.Б. Евроленд — накануне открытия. С. 79.

вало практически безоговорочную поддержку вступления страны в валютный союз населением Италии³⁴.

В 1998 г. единственным государством-членом ЕС, экономически неспособным выполнить критерии конвергенции Маастрихтского договора, оказалась Греция. Когда в 1996 г. греческий премьер-министр К. Симитис поставил задачу участия своей страны в ЭВС, многим казалось это нереальным, так как даже экономически более успешные страны, как Италия и Испания, не были уверены в своем успехе перехода к евро. Однако страна, опираясь на поддержку большей части греческого общества и проведя болезненные реформы, добилась успеха. Впервые за последние 20 лет правительству удалось взять под контроль сферу государственных финансов и заметно улучшить экономическую ситуацию в стране, а политическая элита страны рассматривала вступление в ЭВС как крупнейшее событие в послевоенной истории Греции наряду с созданием демократических институтов в середине 70-х годов³⁵.

В 1999 г. Греция прибегла к исключительным мерам для замедления темпов инфляции до 2,2% в среднем за год (что укладывалось в маастрихтские критерии) и для сокращения государственного долга, который, хотя и непрерывно снижался с 1996 г., все еще значительно превышал 60%-ный маастрихтский критерий (98,9% в 2001 г.)³⁶. Впервые за последние 30 лет в 2001 г. ожидался бездефицитный бюджет, причем даже с положительным сальдо. Затем на финансовых рынках Греции наблюдался бум, а темпы экономического роста превышали общеευропейские³⁷. В марте 2000 г. Греция подала заявку на вступление в ЭВС и, получив официальное приглашение к вступлению в ЭВС, стала его членом с 1 января 2001 г. Однако Греции еще предстоит удержать достигнутые показатели и продолжить болезненные реформы, прежде всего структурные. Необходимо реформировать рынок труда, провести реформу пенсионного обеспечения, осуществить либерализацию целых отраслей экономики (энергетики, телекоммуникаций, транспорта).

Согласно опросам большинство греков без сожаления расставалось с драхмой, одной из старейших денежных единиц Европы, которая у них ассоциировалась с экономическими неурядицами. С евро в Греции связывали экономическое процветание, включение в группу европейских лидеров. Не меньшее влияние на ЕС оказывало и присоединение Греции к зоне евро. Греция — страна, принадлежащая к числу экономически слабых государств по среднеевропейским критериям. Участие Греции в ЭВС добавило 10,5 млн. жителей (3,6% населения зоны евро), в то время как ее вес составлял только 1,9% в общем ВВП³⁸. Поэтому для ЕС особое значение имело успешное функционирование Греции в ЭВС. При этом высказывались различные точки зрения относительно участия Греции в ЭВС. С одной стороны, предполагалось, что с переходом Греции на единую валюту многие фирмы из других европейских стран начнут переводить в нее производство, так как Греция — страна со сравнительно низкой стоимостью рабочей силы. С другой стороны, высказывались опасения другого

³⁴ Eurobarometer Standard 47. November 1997; Eurobarometer Standard 48. November 1998.

³⁵ Курочкин Д. Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро. С. 11.

³⁶ Ермаков Н. Евро: в семействе прибавление: Греция вступила в Экономический и валютный союз // Европа. 2001 (февраль). Т. 2. С. 10.

³⁷ На сегодняшний день темпы экономического роста в Греции впечатляют: средние темпы экономического роста за период реформ составили 3% в год, 2000 год страна завершила с 4% ростом, в последующие годы эти показатели будут расти.

³⁸ Ермаков Н. Евро: в семействе прибавление: Греция вступила в Экономический и валютный союз. С. 11.

рода: подключение Греции к евро, напротив, приведет к размыванию прочности единой европейской валюты.

В целом страны ЭВС при принятии решения о введении евро руководствовались как политическими, так и экономическими соображениями, но во многом именно экономические выгоды перехода на единую валюту предопределили решение. Следуя стремлению стать частью валютного альянса, учитывая при этом определенные моменты, среди которых — опасения потерять часть своих прерогатив в определении собственной экономической политики, национальные правительства тем не менее на первое место ставили экономическую мотивацию, а именно: выгоды от вступления в еврозону оказывалось явно больше, чем потерь, связанных с национальным суверенитетом. Поэтому правительства и бизнес согласились на создание единого валютного пространства, регулируемого общими институтами единой валютной системы.

Однако для ряда стран (Великобритании, Дании, Швеции) политическая осторожность сыграла ключевую роль, выявляя особое отношение и обеспечивая этим странам вступление в валютный союз в составе второй волны участников. В ходе определения членов ЭВС произошло разделение стран ЕС, исходя не только из экономических показателей, но и политической воли стран-участников Евросоюза. Великобритания, Дания и Швеция по критериям конвергенции могли стать членами ЭВС в составе первой волны, но, заручившись правом вступления в ЭВС, юридически оформленным в протоколах к Маастрихтскому договору, эти государства предпочли отложить свое вступление на более поздние сроки³⁹. Во многом это было связано с проблемой соотношения федерализма и национального суверенитета, неизбежно возникшей по мере развития европейской интеграции. Дальнейшее функционирование созданной структуры стало невозможным без расширения круга вопросов, решаемых на национальном уровне, при этом возникла необходимость передача части национального суверенитета органам ЕС. В противном случае структура становилась менее мобильной, плохо реагирующей на изменения окружающей среды и неэффективно управляемой. В валютном союзе государства-члены передали Европейскому центральному банку полномочия, которые традиционно были связаны с понятием государственности и национального суверенитета, в частности право эмиссии денежных знаков. Проблема суверенитета остро обозначилась еще на стадии подготовки Маастрихтского договора. Именно поэтому Великобритания и Дания отказались связывать себя обязательствами перехода к третьему этапу ЭВС.

Как считали сторонники необходимости создания политического союза и приоритетности такого союза, проблему создавала не только излишне доминантная роль руководства Европейского Союза, но и недостаток его власти. Отсюда вытекала несостоятельность ЭВС из-за отсутствия политического союза стран ЕС и неспособность ЕЦБ противостоять тем же «асимметричным шокам». В то же время по мере развития интеграции рос риск отрыва руководства ЕС от рядовых граждан Союза, чрезмерная бюрократизация аппарата управления ЕС. Например, программу ЭВС и мотивы создания и функционирования было трудно понять на обыденном уровне. Полной неожиданностью для Брюсселя и многих национальных правительств стал тот факт, что при ратификации Маастрихтского договора в ряде стран значительная часть населения выступила против ЕС и единой валюты. В Дании потребовалось проведение второго референдума, а во Франции сторонники Маастрихта получили небольшой перевес.

³⁹ An Economic Analysis of the EU. London: The McGraw — Hill Companies, 1997. P. 192—193.

Великобритания, Дания и Швеция представляли в ходе функционирования третьего этапа ЭВС особый интерес в силу того, что все три находились вне еврозоны, нарушая тем самым работу ЕС как оптимальной валютной структуры. К тому же, будучи экономически связанными со всеми государствами ЕС, эти страны, оставаясь вне еврозоны, рисковали потерять свои позиции в экономике ЕС. Наиболее ярким и противоречивым примером среди этих стран стала Великобритания, которая в начале 90-х гг. в законодательном порядке закрепила за собой право не участвовать в работе третьего этапа ЭВС, включающего введение единой европейской валюты. Специальный протокол к Маастрихтскому договору предусматривал переход Великобритании к этапу введения евро, когда будет принято соответствующее решение парламентом и правительством Великобритании⁴⁰.

С тех пор страна разделилась на два лагеря — сторонников и противников перехода к евро. Сторонниками вступления Великобритании в ЭВС стали различные политические силы, включающие руководство правящей лейбористской партии, Британский конгресс тред-юнионов, Шотландскую национальную партию. Им противостояли партия консерваторов, лидер которой У. Хейг обвинял лейбористов в ликвидации 1000-летней независимости Великобритании, а также группы «Бизнес — за фунт стерлингов», «Новая Европа» и разного рода традиционалисты. Они ссылались на негативный опыт участия страны в Европейской валютной системе в 1992 г. и опирались на поддержку общественного мнения. Однако надо отметить, что, хотя на парламентских выборах в июне 2001 г. партия консерваторов шла под лозунгом «Сохраним фунт стерлингов!», она все равно потерпела поражение. Во многом это было признаком того, что в Великобритании с каждым годом росло число сторонников присоединения к ЭВС.

Наряду с этим необходимо было считаться с заметным различием в экономическом положении Великобритании и странами континентальной Европы, особенно во второй половине 90-х гг., и, соответственно, иметь в виду стоящие перед национальными правительствами задачи. В Великобритании после девальвации фунта в 1992 г. произошел устойчивый экономический подъем. Прирост ВВП в 1996 г. равнялся 2,3% по сравнению с 1995 г. В 1997 г. этот показатель составил 3%. Безработица в 1997 г. равнялась 5,3%. В связи с необходимостью ослабления инфляционного давления Банк Великобритании повысил процентную ставку до 7%. Государственный долг и дефицит государственного бюджета стали самыми низкими среди основных стран ЕС. Экономический спрос в Великобритании поддерживался внутренними факторами, в частности высоким внутренним спросом, а степень загруженности производственных мощностей была очень высокой. Экономический цикл Великобритании не синхронизировался с циклами деловой активности в странах континентальной Европы.

В отличие от Великобритании в большинстве стран континентальной Европы экономический подъем начался несколько позже. Экономический рост на континенте поддерживался экспортом, а не внутренними факторами, причем загруженность производственных мощностей оставалась ниже, чем в Великобритании. С началом коррекции валютных курсов летом 1995 г. и наступлением продолжительного периода кредитно-денежной и финансовой политики, направленной на увеличение денежной массы, объемы продаж и прибылей начали улучшаться, а склонность к инвестированию возросла.

⁴⁰ См. Протокол о некоторых положениях, относящихся к Соединенному королевству Великобритании и Северной Ирландии / Договор о Европейском Союзе // Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. М.: Право, 1994. С. 221–223.

В результате политики стабильности уровень цен практически был неизменен, поэтому банковские процентные ставки почти не росли. Частный и государственный спрос оставались низкими. Опирающийся на экспорт экономический подъем незначительно сказывался на внутреннем спросе, в результате чего экономический рост на континенте был неустойчив. За исключением Голландии, на континенте острой оставалась проблема занятости. Уровень безработицы в Германии, Франции и Италии составлял более 10%. В Германии безработица составляла 11,7%, а уровень инфляции — 1,8%. Во Франции уровень безработицы составлял 12,5%, инфляция — 1,5%⁴¹.

Таким образом, причин для вступления в ЭВС с точки зрения экономических преимуществ у консервативных англичан действительно не было. Состояние государственных финансов в Великобритании было гораздо лучше, чем в большинстве стран зоны евро. Британскую денежную систему МВФ называл образцом для всех европейских государств⁴². Финансовые рынки разделяли уверенность МВФ в макроэкономической стабильности страны, так как с 1995 г. фунт стерлингов являлся второй по надежности валютой в мире и процентные ставки по государственным ценным бумагам в Великобритании были ниже, чем в Германии и США. Кроме того, по оценкам аналитиков Банка Англии, членство Великобритании в ЭВС будет стоить стране ежегодно 9 млрд. долл. и подстегнет инфляцию, которая в последние два года была вдвое ниже прогнозируемой правительством. Определенные проблемы вызывали и различия процентных ставок Банка Англии и ЕЦБ⁴³.

Консерваторы выдвигали еще один чрезвычайно весомый аргумент против вступления Великобритании в ЭВС. По их мнению, заявлениям лейбористского правительства о необходимости широкомасштабно подготовить страну к вступлению в ЭВС противоречит фактическое развитие экономики Великобритании, так как она всегда традиционно ориентировалась на США. В 90-е гг. Великобритания получала из США в два раза больше инвестиций, чем из стран ЕС. Одновременно Великобритания занимала ведущие позиции среди европейских партнеров Америки, поскольку 70% капиталовложений в экономику США из Европы — британские. Согласно данным Евростата, официального статистического агентства Европейского Союза, Великобритания — самый значительный европейский инвестор и самый крупный объект иностранных капиталовложений, но при этом у нее доля товарооборота со странами Европы в общем товарообороте самая низкая среди стран ЕС⁴⁴.

В конце 1996 г., перед выборами в Британский парламент, ни одна из ведущих партий страны не была готова дать определенного ответа о будущем Великобритании в ЭВС. Именно на этих выборах консервативная партия после 17-летнего беспрецедентного правления потерпела поражение и уступила место лейбористам⁴⁵.

⁴¹ В целом же циклические колебания в Европе происходят с высокой степенью синхронности. Из 15 стран-участниц ЕС последний спад отмечался снижением ВВП в 11 странах, причем в 8 из них он был зафиксирован в 1993 г., а в 1994 г. все 15 вошли в стадию оживления. Все страны ЕС, кроме Греции и Ирландии, имеют идентичную структуру экономики: доля сельского хозяйства в ВВП — от 1 до 5%; промышленности — 27–40%; сфера услуг — 58–70%.

⁴² Курочкин Д. Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро // Евро. 2000. № 3. С. 9.

⁴³ См.: Layard R. Britain in Europe. The case for the euro. London, 2000. P. 2–5; Курочкин Д. Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро. С. 9.

⁴⁴ См.: Layard R. Britain in Europe. The case for the euro. P. 15.

⁴⁵ Pitchford R., Cox A. EMU Explained: Markets and Monetary Union. P. 98.

Д. Мейджор поддержал сторонников ЭВС, но его правление не стало решающим в вопросе о месте Великобритании в еврозоне. Т. Блэр, следуя тактике консерваторов, тактике ожидания, после победы лейбористов на выборах в 1997 г. пообещал созвать референдум по вопросу вступления Великобритании в ЭВС только после того, как экономический цикл страны совпадет с экономическим циклом континентальной Европы. В феврале 1999 г. премьер-министр Т. Блэр, которого называли самым проевропейски настроенным британским премьером за последние 30 лет, решил выступить в парламенте с изложением национальной программы вступления Великобритании в ЭВС. Он подчеркнул, что решение будет принято только в том случае, если вступление в ЭВС положительно скажется на привлечении иностранных инвестиций и на сфере занятости⁴⁶. Также он заявил, что Великобритания является влиятельным членом ЕС и для нее важна защита национальных интересов, а часть этих интересов связана с тем, чтобы быть конструктивным членом ЕС⁴⁷.

После победы лейбористов на выборах 2001 г. проведение референдума было опять отложено до следующих парламентских выборов, так как число проголосовавших за введение евро на тот момент составило бы, по предварительным расчетам, менее 50%. Согласно официальной статистике Комиссии ЕС только 25% британцев отдали бы свой голос за введение евро, в то время как число противников составило бы 57%⁴⁸. Таким образом, несмотря на то что правительство и рекомендовало проведение референдума в 2002 г., национального консенсуса достичь так и не удалось. Большинство специалистов склонны считать, что, несмотря на все попытки руководства страны приблизить дату референдума, скорее всего он не будет проведен ранее 2005 г., а возможные назначенные ранее даты референдумов могут быть опять отложены на более поздний срок⁴⁹.

Несмотря на все это, руководство страны все эти годы осознавало неизбежность вступления Великобритании в ЭВС. Примером тому может служить «Положение о Центральном банке Великобритании» 1997 г., согласно которому Банк Англии, долгое время находившийся под строгим контролем правительства, приобрел большую свободу в осуществлении текущей деятельности⁵⁰. Хотя эти изменения далеки от полной независимости Центрального банка, а точнее, независимости при определении целей, как у Бундесбанка, для консервативной Великобритании даже подобное небольшое изменение является существенным шагом к вступлению в валютный союз. Многие эксперты, в том числе и британские, считали, что успешное функционирование евро может стать стимулом для скорейшего присоединения страны к еврозоне, а число противников евро в силу требований экономики неуклонно будет снижаться⁵¹.

Между тем британское общественное мнение было настроено не в пользу евро. Последние восемь лет доля противников евро колебалась в пределах 50–64%⁵². Противники евро создали специальный фонд «Антиевро» для проведения информационной кампании при подготовке к референдуму по

⁴⁶ В соответствии с этой программой Великобритания планировала войти в зону евро не ранее 2002 года. Программа предусматривала трехлетний переходный период между проведением референдума по этому вопросу и фактическим переходом к евро.

⁴⁷ Britain: creativity, innovation and quality. Foreign and Commonwealth Office London // <http://www.fco.gov.uk/new/keythemhome.asp.14.02.02.00>

⁴⁸ Eurobarometer Standard 55. July 2001.

⁴⁹ Pitchford R., Cox A. EMU Explained: Markets and Monetary Union. P. 98.

⁵⁰ Duff A. Understanding the Euro. London: Federal Trust, 1998. P. 131.

⁵¹ См.: Layard R. Britain in Europe. The case of the euro. P. 21.

⁵² Курочкин Д. Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро. С. 9.

введению евро. Регулярные опросы общественного мнения, проводимые агентством «Мори», демонстрировали постепенное снижение количества сторонников вступления Великобритании в валютный союз⁵³.

Более того, в начале 2000 г. разногласия между Великобританией и ЕС обострились сразу по нескольким направлениям. Во-первых, Т. Блэр высказался против гармонизации налоговой политики в рамках ЕС, поскольку планы распространения унифицированной практики по налогообложению на проценты по банковским вкладам могли поставить под угрозу лондонский рынок еврообондов. В случае принятия нового законодательства ЕС наносится удар по позиции Лондона как крупного финансового центра Европы, вследствие чего теряются огромные средства инвесторов. Во-вторых, политическую бурю в Великобритании вызвало решение французского правительства сохранить эмбарго на импорт британской говядины вопреки решениям ЕС, в результате чего Великобритания подала на Францию в Европейский суд. В-третьих, многих англичан насторожил демарш ЕС против Австрии. На парламентских выборах 1999 г. Австрийская партия свободы получила 27,2% голосов избирателей, установив рекорд Европы, поскольку за последние 60 лет ни в одной европейской стране крайне правым не удавалось добиться такого результата. Таким образом, была создана возможность формирования первого в послевоенный период в Европе правительства с участием ультраправых, вследствие чего партнеры Австрии по ЕС объявили ей дипломатический бойкот.

Именно эти события создали неблагоприятный фон для общественного мнения Великобритании по вопросу вступления в валютный союз, и доля противников евро в феврале 2000 г. в Великобритании достигла 69%⁵⁴.

Особую позицию в отношении вступления в ЭВС занимала также Дания. Эту страну с полным правом можно назвать поляризованным обществом, страной двух противостоящих крайностей. Дания была первой страной европейского Севера, которая вошла в ЕС. Будучи же внутри Союза, она не поддерживала намерений по его упрочению, в том числе и замену на единую европейскую валюту национальной валюты.

Традиционно экономика Дании развивалась медленнее (чем в среднем по ЕС), но находилась в состоянии достаточной стабильности и характеризовалась высокими показателями. Средние показатели безработицы были меньше. Уровень инфляции — выше, но находился под контролем и даже снижался (в целом по ЕС отмечен ее рост)⁵⁵. По итогам референдумов 1992–1993 гг. в Дании было принято решение не участвовать в валютном союзе, а Маастрихтский договор был дополнен специальным протоколом о присоединении Дании к ЭВС⁵⁶. Ее вступление в ЭВС напрямую связывалось с результатами референдума, намеченного на 2000 г.

В 1998 г., когда был окончательно определен круг участников ЭВС, Дания не вошла в его состав, однако заявила о привязке кроны к евро, а Центральный банк страны повысил официальную ставку до 4,25% годовых. Неучастие кроны в ЭВС делало ее более уязвимой в случае потрясений на международных финансовых рынках. 31 декабря 1998 г. Совет ЕС по согласованию с министром финансов и Центральным банком Дании установил средний курс датской кроны к евро и определил коридор ко-

⁵³ *Edmonds T.* The Euro-Zone: Year On. Research Paper 00/34. London: House of Commons. Economic Policy and Statistic Section. P. 31.

⁵⁴ *Курочкин Д.* Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро. С. 10.

⁵⁵ *Форсель П.* Двойственное процветание Дании // Европа. 2000. Ноябрь. С. 15.

⁵⁶ *См.* Протокол о некоторых положениях, относящихся к Дании / Договор о Европейском Союзе // Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. Единый Европейский Акт. Договор о Европейском Союзе. С. 224.

лебаний плюс-минус 2,25% от среднего курса. С этого времени Центральный банк Дании изменял свои процентные ставки одновременно с ЕЦБ. С сентября 1999 г. наблюдалась незначительная девальвация кроны, что свидетельствовало об уверенности инвесторов в том, что Дания вступит в валютный союз⁵⁷.

В случае положительного результата референдума для приведения финансовой и законодательной системы Дании в соответствие с нормами ЭВС потребовалось бы около года, и, по мнению специалистов, вероятный срок вступления Дании в ЭВС можно было бы прогнозировать на 2002–2003 гг. Но Дания отвергла единую европейскую валюту на референдуме 2000 г. 53% голосов. Согласно мнению министра иностранных дел Дании Петерсона, результаты голосования следовало бы рассматривать с точки зрения психологии, а не экономики, так как почти 90% пришедших на референдум жителей Дании решали для себя скорее вопрос не о евро, а о Европе. Экономически Дания всегда была близко связана с остальной континентальной Европой, и присоединение в действительности мало что изменило бы. На этот раз политические факторы перевесили экономические⁵⁸. Попытки доказать определенную экономическую выгоду для Дании от введения евро оказались неудачными. Во многом это было связано с позицией, что ее присоединение к ЭВС может привести к потере суверенитета, уникальной системы социальной защиты и к зависимости государства от Брюсселя.

Именно на примере Дании наиболее отчетливо прослеживалась тенденция: чем более скептически нация относится к Европе и ко всему тому, что там происходит, тем большую роль играют политические факторы. В частности, проблема сохранения национального суверенитета. При этом, очевидно, большими следует быть экономическим выгодам, чтобы компенсировать некоторую несамостоятельность национальной политики.

В 1997 г. шведские и иностранные эксперты, изучавшие по заказу правительства вероятные последствия введения евро для экономики Швеции, пришли к выводу, что негативные для Швеции экономические и политические факторы будут несколько сильнее, чем позитивные. С учетом этих выводов и скептического отношения к евро общественного мнения страны правительство заняло выжидательную позицию, тем более что темпы экономического роста Швеции превышали средние показатели по странам зоны евро. Прирост ВВП в Швеции в 1999 г. составил 3,7%, в то время как в зоне евро — 2,2%; темпы инфляции в Швеции равнялись 0,6%, в зоне евро — 1,1%; уровень безработицы в Швеции составлял 6,6%, в зоне евро — 9,6% (по данным Евростата).

В то же время премьер-министр Швеции Й. Перссон был убежден, что у Швеции нет другого пути, кроме вступления в зону евро, и это должно произойти в ближайшие пять лет⁵⁹. Большая часть шведских промышленников призывала к скорейшему вступлению в зону евро. В январе 2000 г. произошел заметный сдвиг и в правящей Социал-демократической рабочей партии. Если раньше валютный союз рассматривался как потенциальная угроза демократии и независимости страны, то затем в нем стали видеть противовес всемогуществу финансовой глобализации. При этом ожидалось, что решение о вступлении в ЭВС будет принято на референдуме, но не отвергался и парламентский вариант принятия решения. В

⁵⁷ Курочкин Д. Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро. С. 10.

⁵⁸ Дедюхина А. Спасенный миф: Дания решила не отказываться от национальной валюты // Эксперт. 2000 (9 октября). № 38. С. 56.

⁵⁹ Курочкин Д. Европейский континент как потенциальная сфера влияния евро. С. 10–11.

качестве наиболее вероятного времени вступления Швеции в ЭВС аналитики называли 2003–2004 гг. Между тем деловые круги активно готовились к работе в зоне евро, а международные рейтинговые агентства повышали кредитный рейтинг Швеции в связи с официальными заявлениями должностных лиц о планируемом вступлении страны в ЭВС. Швеция в целом была удовлетворена состоянием собственных финансов и кроной, и поэтому перед правительством вставал вопрос о том, на какой срок назначать референдум, не рискуя получить результаты, подобные результатам референдумов в Дании.

Таким образом, все более очевидным становился факт, что для каждой страны ЕС введение евро стало валютной революцией. Каждая страна по-разному адаптировалась к новым условиям валютного рынка. Введение евро представляло собой существенное изменение в жизни страны, так как происходил отказ от части национальной культуры, которую несли в себе национальные денежные единицы. Немецкая марка, французский франк и даже такая нестабильная валюта, как итальянская лира, имели огромное символическое значение для населения ЕС. Поэтому унификация денежных отношений и переход к единой для всех стран валюте не могли идти болезненно для европейцев.

За длительную историю своего развития мировая валютная система не раз претерпевала изменения. Это и появление системы биметаллизма, когда хождение имели как золотые, так и серебряные деньги, это и действие режимов золотого и золотовалютного (золотодолларового) стандартов, и многие другие серьезные и небольшие изменения, безусловным образом оказавшие влияние на структуру и механизм функционирования мировой валютной системы. Введение евро знаменовало собой появление нового, имеющего существенный вес элемента мировой валютной системы. И хотя до сих пор идет полемика о масштабности изменений, которые влечет за собой становление евро, исследователи отмечают, что введение евро связано с важными последствиями глобального масштаба как экономического, так и политического характера⁶⁰.

Вопрос о перспективах развития современной валютной системы обсуждался неоднократно, и аналитики отмечали, что сама система, основанная на моноцентризме доллара, уже давно нуждается в модернизации, в первую очередь в силу скопившихся за годы проблем. Это, например, недостаточный контроль над кредитной эмиссией, слабое обеспечение доллара золотовалютными резервами и т.д.

Хорошо известно, что кредитная экспансия доллара, отмечавшаяся в послевоенный период, была обусловлена мощью американской экономики, послевоенной слабостью европейских государств, большими возможностями использования американской валюты и возникшими на этой основе позитивными ожиданиями превращения доллара в ключевую мировую валюту. Здесь действовали не только объективные экономические, но и субъективные психологические факторы. В условиях стабильности такого рода ожидания приобретали некий автономный, его еще называют самоподпитывающийся, режим, при котором спрос на доллары в долгосрочном плане формировался без жесткой связи с процессами, протекающими в реальной экономике. При этом, однако, формировались так называемые «инфляционные подушки», незаметные при стабильном развитии, но быстро проявляющиеся в периоды кризисов, вызывая недоверие к валюте и провоцируя ее сброс. Для этого было достаточно одного толчка,

⁶⁰ *Frieden J. The political economy of the euro as an international currency // The Euro as a Stabilizer in the International Economic System. P. 203.*

особенно если ликвидные ресурсы, на которые могла опереться валюта, становились недостаточными для снятия напряжения на рынке⁶¹. Подтверждением тому служили энергетические кризисы 1971 и 1973 гг.

Попытка решить эту проблему путем отказа от золотовалютного стандарта, пересмотра фиксированных курсов обмена имела первоочередной целью не допустить коллапса мировой валютной системы. При этом, по сути, закладывались иные критерии при оценке надежности валют — центр тяжести таких оценок перемещался с вопроса о соответствии денежной базы и золотовалютных резервов на вопрос о возможности и готовности использовать валюту для тех или иных экономических операций. Государство, по сути, устранялось от выполнения каких-либо обязательств по выпущенным денежным знакам, и место американской валюты зависело теперь лишь от доброй воли экономических агентов — их согласия принимать доллары для осуществления своих операций или нет. Переход в 1976 г. к системе плавающих курсов превратил мировую валютную систему в более гибкий механизм, хотя потеря золотовалютного стандарта как основы сделала ее менее предсказуемой.

В условиях некризисного развития инерционность и традиционность существующих расчетных механизмов позволяют валютам сохранить свое место в мировой валютной системе. В условиях же кризиса могут произойти серьезные коррективы существующего статус-кво, тем более что экономические агенты при недоверии к валюте всегда вправе переключиться на использование других валют. Активы или операции, которые генерировали спрос на доллары и тем самым поддерживали американскую валюту, могли выступать в той же роли по отношению к другим валютам.

Проблема разрыва между денежной базой и золотовалютными резервами в современных условиях дополнилась проблемой несоответствия величины кредитной экспансии темпам роста ВВП. Например, за 1971–1996 гг. отмечалось примерно двукратное увеличение в текущих ценах, тогда как агрегат денежной массы M2 за тот же период возрос более чем в 8 раз⁶².

Признаки того, что система, основанная на долларе, постепенно стала менее устойчивой и приводила к неверным курсовым ориентирам в отдельные моменты, проявляли себя весьма наглядно. Так, в частности, можно указать на резкое падение доллара относительно японской иены, когда в течение первых семи дней октября 1998 г. курс иена/доллар сократился со 136 до 116 иен за доллар, при том что общеэкономическое положение Японии (состояние депрессии с 1993 г.), казалось, делало более вероятным обратное развитие событий⁶³.

Согласно исследованию, проведенному крупным международным инвестиционным банком «Голдман Сакс», учитывающему большую группу показателей реальной экономики, денежно-кредитной сферы, состояния рынка акций и долговых инструментов, курс американского доллара на конец ноября 1998 г. был существенно переоценен и составлял около 90

⁶¹ *Ершов М.* Доллар и перспективы развития мировой валютной системы // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. № 4. С. 18.

⁶² Агрегат денежной массы M2 — наличность, чековые вклады, а также бесчековые сберегательные счета и мелкие (не превышающие 100000 долларов) срочные вклады, т.е. M2 — агрегат, включающий элементы средств обращения, а также элементы, которые могут быть довольно быстро и без потерь обращены в наличность. *Макконелл К., Брю С.* Экономика: принципы, проблемы, политика. М.: Республика, 1993. С. 267; *Ершов М.* Доллар и перспективы развития мировой валютной системы. С. 19.

⁶³ *Ершов М.* Доллар и перспективы развития мировой валютной системы. С. 19.

иен за доллар и 1,37 немецкой марки за доллар (по сравнению со 120 иенами и 1,60–1,65 марки)⁶⁴. Таким образом, налицо были явные противоречия моновалютной системы, основанной на долларе.

С самого начала евро формировалась в качестве одной из мировых резервных валют, как средство защиты интересов Евросоюза в конкуренции с долларом США и иеной и способ сокращения зависимости от них в обслуживании внутриевропейского и международного финансового оборота. Поэтому для мировой валютной системы именно евро может стать не только модернизирующим фактором, но и второй мировой резервной валютой, что положит конец моновалютной системе, основанной на долларе США как единственной мировой резервной валюте. При этом произойдет переход к системе, опирающейся на две суперрегиональные резервные валюты — доллар и евро⁶⁵. Во многом именно этот фактор в долгосрочном плане может способствовать ослаблению позиций доллара. В то же время введение евро должно повысить симметричность и эффективность международной валютной системы. Евро, став противовесом доллару США, сделает мировую валютную систему менее зависимой от экономической конъюнктуры и политики США.

В становлении евро в мировой валютной системе, по мнению американских специалистов, можно выделить три этапа: старт (до 1999 г.), переходный период (5–10 лет), на протяжении которых евро должна закрепиться на новых позициях в мировых финансах, и долгосрочный период, когда евро займет устойчивую позицию⁶⁶. В соответствии с этой точкой зрения роль мировых денег определяется по пяти ключевым пунктам: объем денежной массы и вес в мировой торговле, экономическая независимость валюты от внешних факторов, ликвидность рынка этой денежной массы, устойчивость валюты, а также отсутствие ограничений на обмен этой валюты на другие⁶⁷.

Из всех возможных вариантов развития процесса становления евро наиболее реальными представляются два: доллар сохранит, хотя и в несколько ослабленном виде, свою господствующую роль в международных финансах; евро постепенно займет в международной валютной системе позиции, близкие или сопоставимые с долларом, и, соответственно, возникнет необходимость достижения компромисса по разделу мирового рынка⁶⁸.

В любом случае появление новой валюты, являющейся единой для ряда стран ЕС, равнозначно революции в мировой финансовой системе, так как наступление на позиции доллара будет происходить по всем возможным направлениям. В результате появления альтернативной резервной валюты инвесторы получают право выбора и начнутся массивные и хаотичные переливы денежных средств из доллара в евро и обратно. Многие полагают, что укрепление позиций евро, если она окажется жизнеспособной, будет происходить за счет доллара. В настоящее время более 60% американской валюты обращается за пределами США. В среднесрочной перспективе из долларов в евро может быть переведено от 400 до 800 млрд. дол. активов частных вкладчиков и от 100 до 300 млн. дол. официальных резервов. То есть в долгосрочной перспективе введение евро может

⁶⁴ *Еришов М.* Доллар и перспективы развития мировой валютной системы. С. 19.

⁶⁵ См.: *Sylvester C. W. Eijffinger, Jakob De Haan.* European Monetary and Fiscal Policy. P. 171–174.

⁶⁶ *Bergsten F.* The Dollar and the Euro // Foreign affairs. 1997. Vol. 76. № 4. P. 86.

⁶⁷ *Bergsten F.* The Dollar and the Euro // Foreign affairs. 1997. Vol. 76. № 4. P. 86.

⁶⁸ *Курочкин Д.* Первый год работы европейского валютного союза прошел успешно // Евро. 2000. № 1–2. С. 19.

повысить уровень неустойчивости и приведет к изменениям в структуре международных денежных потоков. В этом случае рынки столкнутся с массированными продажами долларов за евро (и обесцениванием доллара) центральными банками как стран ЕС, так и рядом неевропейских стран с целью диверсифицировать свои золотовалютные резервы.

Все это приведет к оттоку долларов из стран ЕС. Здесь будет происходить не только высвобождение долларов из золотовалютных резервов центральных банков стран ЕС, но и сокращение использования доллара при обслуживании межевропейской торговли, а также вытеснение из операций с финансовыми инструментами. Будет наблюдаться отток долларов и из остальных стран. При этом евро может изменить в свою пользу структуру валютных резервов не только стран ЕС, но и многих других, например, Китая. Также произойдет сокращение использования доллара в торговле между странами ЕС и другими странами. Не надо забывать и о возможном оттоке долларов, обслуживающих международные расчеты⁶⁹.

Таким образом, евро сократит как общий объем национальных валютных резервов стран ЕС, так и долю в них доллара. В каждой стране еврозоны произойдет, с одной стороны, обмен «резервных» долларов на «резервные» евро, с другой — выделение из резервов «лишних» ликвидных долларов. Продажа этих долларов еврозоной будет осуществляться постепенно, по мере роста уверенности в стабильности евро. При этом весь процесс должен согласовываться с США, так как в этом объективно заинтересованы прежде всего страны ЕС в силу того, что резкое падение доллара обесценит активы еврозоны и снизит доверие к евро.

Отток долларов из международных расчетов будет контролироваться центральными банками стран ЕС, что позволит регулировать влияние на курс доллара. Ни страны ЕС, ни США не склонны рассматривать отток «евродолларов» в качестве острой проблемы, грозящей обвалом мировой валютной системе⁷⁰. Тем не менее, хотя отток долларов из стран ЕС не создает для США угрозу немедленного кризиса, а использование «лишних» европейских долларов возможно в виде реализации программ помощи, что значительно повышает политический и геополитический престиж стран ЕС, для США все это означает потерю мирового единоличного лидерства в мировой валютной системе.

Более тревожная ситуация может сложиться для США в связи со снижением долларовой оборота в отношениях с неевропейскими странами, в том числе с незаинтересованными в сохранении относительной стабильности как доллара, так и США в целом. Например, влияние США на Китай, где среднегодовой прирост ВВП составляет более 10%, не так значительно, а экономическое влияние Китая на США велико. Еще весной 1998 г. на пленуме ЦК КПК руководство Китая приняло решение в течение 6–8 месяцев после введения евро принципиально изменить соотношение между американским долларом и валютами стран еврозоны в своих валютных резервах, что означало бы залповый выброс долларов⁷¹. Поэтому становились понятными опасения США, так как подобному примеру могли последовать многие другие страны, что опять же укрепляло позиции евро.

⁶⁹ Несмотря на то что странами еврозоны являются не все страны ЕС, тем не менее введение евро будет иметь огромное значение не только для стран-участниц ЭВС, но и остальных стран ЕС, не вошедших в еврозону. Там будет происходить «ползучее» (неофициальное) введение евро в силу тесной взаимосвязи всех стран ЕС как единого целого.

⁷⁰ Делягин М. Евро: глобальные проблемы бивалютного мира // Евро. 1999. № 1. С. 14.

⁷¹ Делягин М. Евро: глобальные проблемы бивалютного мира. С. 15.

Для национальной безопасности США введение евро создает определенную дилемму. С одной стороны, США не могут стерилизовать огромную сумму долларов, высвободившихся на территории ЕС, в международных расчетах. С другой стороны, условием сохранения лидерства США становится ослабление еврозоны. При этом для Америки практический интерес представляют наиболее уязвимые точки ЕС. Так, «Ахиллесовой пятой» ЕС является Великобритания — страна, не являющаяся членом ЭВС, но тесно связанная экономически с континентальной Европой, а к тому же имеющая традиционно дружественные связи с США. Также уязвимыми точками являются наиболее экономически слабые страны ЕС: Португалия, Испания, Греция. Таким образом, причиной дестабилизации экономики и финансов стран-членов ЕС могут стать не только объективные экономические обстоятельства, но и целенаправленное влияние США, искусственно создающее эту дестабилизацию и восстанавливающее «баланс сил» в Европе по американскому сценарию. Так, например, США в течение 2000 года всячески старались уменьшить рынки сбыта произведенных в ЕС товаров, в том числе и для дестабилизации евро. Постоянные торговые войны между США и ЕС ведутся в основном вокруг биржевых товаров, объемы продаж которых влияют на переток капитала. США используют свое влияние в международных финансовых организациях с целью понижения курса евро. Инициированные военные действия на Балканах и последующие программы восстановления этого региона также внесли свой вклад в падение курса евро 2000 г., что вывело из европейских бюджетов немало средств, которые могли бы пойти на увеличение внутренних инвестиций и способствовать экономическому росту⁷².

Ярким примером настороженного внимания со стороны США по отношению к процессу становления новой валюты может служить негативная и даже враждебная реакция на встречу в январе 1999 г. в Гонконге руководителей центральных банков стран АТЭС, организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, главной темой которой стало введение евро как фактора, ослабляющего монопольное положение доллара. Пристальное внимание было уделено и совещанию 15–16 января 1999 г. министров финансов государств ЕС и Азии, где обсуждалось, как эффективней соотносить курсы евро, доллара и иены. В январе 1999 г. Вашингтон расценил переговоры французского президента Ж. Ширака и японского премьера К. Обути, предложивших провести осенью совещание глав государств и правительств стран-членов временного комитета МВФ, посвященное реформе глобальной финансовой системы, как попытку объединить евро и иену против доллара⁷³.

Несмотря на то что немедленного кризиса для доллара не ожидается, так как процесс введения евро на мировом рынке является длительным и негативная реакция для доллара может быть в значительной степени ослаблена, безусловно, угроза доллару США уже создана самим процессом введения евро. В долгосрочной перспективе евро обладает существенным потенциалом, чтобы составить конкуренцию доллару. При этом можно говорить не только о конкуренции, но и взаимозависимости американской и европейской экономики. Негативные последствия на экономическом и финансовом положении стран ЕС и США могут быть вызваны как резким ослаблением евро, так и доллара. Интересам обеих сторон отвечает поддержание более или менее устойчивого и предсказуемого курса евро к доллару, хотя вопрос о достижении такого баланса остается открытым.

⁷² *Feldstein Martin*. EMU and International Conflict. P. 72–73.

⁷³ *Макаревич Л.* Доллар идет в бой против евро // Евро. 1999. № 2. С. 32–33.

Сегодня в пользу доллара все еще действует психологический фактор и «долларизация» многих мировых экономик. Для того чтобы реально вытеснить доллар на международных рынках, необходимо изменить традиции и психологические предпочтения миллионов людей в мире, что потребует гигантских затрат и огромного времени. Поэтому, несмотря на то что евро в перспективе и потеснит доллар, позиции последнего все еще кажутся незыблемыми⁷⁴.

Summary

The article of Dr. Elena Lizareva examines the problem of introduction of euro. In long-term prospect of euro has essential potential to make a competition to dollar. Thus it is possible to speak not only about a competition, but also interdependence of the American and European economy. May be caused negative consequences on economic and a financial position of the countries of EU and USA, as sharp easing of euro, and dollar. To interests of both parties answers more or less steady and predicted rate of euro to dollar though the question on achievement of such balance remains open. Today for the benefit of dollar operates the psychological factor and «dollarisation» many economics still. Really to supersede dollar in the international markets, it is necessary to change traditions and psychological preferences of millions people in the world that will demand huge expenses and huge time.

⁷⁴ См. об этом: *Mandell Mel.* History favors EMU // World trade. 1999. Jan. <http://global.umi.com/pqweb>; *Chandler Marc.* Dollar vs. Euro // Barron's. 1999. Aug. 9. <http://global.umi.com/pqweb>; *Lamb Robin.* Declining Dollar Not Yet Affecting Procurement // EBN. 2002. Jun. 24. <http://global.umi.com/pqweb>; *Walker Martin.* Growing EU — Russian trade // Europe. 2002. Jun. <http://global.umi.com/pqweb>; *Litsareva E.* Euro vs. dollar: Eastern European and Russian economies//